

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПРАВОВОЙ ПРЕЦЕДЕНТ В ЦАРСКОЙ ГРАМОТЕ 1606 ГОДА

GOLDEN HORDELEGAL PRECEDENT IN THE ROYAL CHARTER OF 1606

Сочнев Ю.В., доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат исторических наук.

Аннотация

В статье проанализирована преемственная связь актов, в которых сохранился монгольский правовой прецедент. Результаты исследования указывают на определенную зависимость развития налоговой системы Российского государства XV–XVI вв. от золотоордынского наследия. Выявленная эволюция правового прецедента, восходящего к установлениям хана Менгу-Тимура, подтверждает наличие влияния монгольской правовой системы на развитие русского права.

Ключевые слова

Золотоордынский правовой прецедент, ярлык хана Менгу-Тимура, монгольское правовое влияние, развитие русского права, льготы церкви.

Abstract

The article analyzes the continuity of the acts in which the Mongolian legal precedent has been preserved. The results of the study indicate a certain dependence of tax system development of the Russian state XV–XVI centuries from the Golden Horde heritage. The revealed evolution of the legal precedent going back to the establishments of Khan Mengu-Timur confirms the influence of the Mongolian legal system on the development of Russian law.

Keywords

Golden Horde legal precedent, the label of Khan Mengu-Timur, the Mongolian legal effect, the development of Russian law, the benefits of the Church.

Среди корпуса источников по средневековой истории Нижнего Новгорода имеется очень любопытный акт, хотя и опубликованный еще в 40-х гг. XIX в., но все еще остающийся малоизвестным даже для исследователей. Это подлинник тарханной грамоты царя Василия Ивановича Шуйского, выданной нижегородским Преображенскому и Архангельскому соборам 19 августа 1606 года.¹ В начале текста отмечается, что он составлен на основе предыдущих жалованных грамот

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.II. СПб., 1841.№ 69, С.86-90.

«блаженные памяти Великого Князя Василья Ивановича всеа Русии, и Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русии, и Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русии», то есть начало формирования документа началось в пору Василия III (1505–1533), а продолжилось при Иване IV Грозном (1533–1584) и его сыне Федоре Ивановиче (1584–1598), затем акты текстуально были объединены и подтверждены царем Василием Шуйским. В 1614 г. эту тарханную грамоту без изменений подтвердил царь Михаил Федорович (1613–1645), и еще раз в 1624 г. совместно с патриархом Филаретом.

Основное содержание изучаемой тарханной грамоты относится к определению состава клира и церковных людей двух наиболее значимых городских соборов Нижнего Новгорода – Спасского-Преображенского и Михаила Архангела. В акте также закрепляется порядок церковной службы в соборах, преимущественно во время значительных православных праздников совместно с духовенством некоторых других нижегородских монастырей и церквей, государева руга священникам и игуменам указанных храмов и монастырей, а также ряд других их привилегий и санкций к ним применимым в случае нарушения установлений царской грамоты. Именно это обстоятельство предопределило обращение к данному акту как к источнику преимущественно по истории церкви или историко-краеведческих сведений, но в его содержании имеется элемент крайне важный и значимый для изучения золотоордынского влияния на развитие русского права. С позиций выяснения динамики историко-правовых взаимоотношений русских высших светских и церковных властей в средневековый период внимание специалиста привлекает следующий пункт тарханной грамоты Василия Шуйского 1606 г.: **«Также есми Спаского и Архангилского протопоповъ съ братьею пожаловаль: у которого протопопа, или у протодьякона, и у поповъ и у дьяконовъ, сынъ или племянникъ, а живетъ съ нимъ на одномъ хлебе, и темъ ихъ детемъ и племянникомъ, и ихъ людемъ, съ черными людьми не тянути ни въ какие проторы, ни въ розметы; а наместницы наши Нижегородцкие, и ихъ тиуны, не судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя и татбы съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ; а праветчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что...»**.¹

---

1 Там же. С.89.

Царское повеление закрепляет распространенное в средневековом обществе правовое явление, именуемое судебным иммунитетом духовенства. Священники нижегородских соборов и зависимые от них церковные люди не подлежали суду местных представителей царской власти, такое положение дел не являлось чем-то исключительным, а было обычным на Руси и в России со времен крещения страны князем Владимиром. Наиболее интересна первая часть анализируемого раздела, где содержатся правовые нормы, направленные на определение круга привилегированных членов поповской семьи. Эти сугубо конкретные предписания связаны не только с судебной юрисдикцией, но и с налоговыми правоотношениями и сориентированы на обеспечение интересов как государственной казны, так и городского духовенства. Восходят эти правовые нормы к временам ордынского господства над Русью. Чтобы проиллюстрировать данный тезис необходимо предпринять небольшой исторический экскурс, показывающий положение русской церкви в тяжелые времена иноземного господства.

Хорошо известно, что с момента христианизации русских земель в X в. и до монгольского завоевания православная церковь не являлась субъектом налоговых правоотношений. Русские князья не только не взымали дани с духовенства, церковью и монастырем, но напротив обеспечивали их существование и деятельность из своих доходов, передав из них церковным структурам десятую часть, так называемую десятину. Такое положение дел юридически было закреплено первыми масштабными правовыми памятниками Руси – Уставами князей Владимира и Ярослава, определившими также широкую церковную юрисдикцию.¹

После поражения князей и установления власти монгольских ханов над русскими землями, монгольскими имперскими, а затем ордынскими властями была выстроена система господства и эксплуатации покоренных территорий. Однако политика в отношении русской церкви была благожелательной и покровительственной. Правители отдельных улусов, опираясь на заветы основателя империи Чингиз-хана и на созданную им Великую ясу, освобождали духовных лиц различных конфессий от налогов и защищали от произвола представителей собственных администраций. Не были исключени-

---

1 См.: Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы. М.: Наука, 1976.

ем и золотоордынские ханы. Пожалования поволжских властителей юридически закреплялись выдачей тарханских (охранительных) ярлыков русскому духовенству и митрополитам. К сожалению, большую часть этих важных историко-юридических актов беспощадное время не пощадило. В распоряжении современного исследователя имеются лишь сведения о шести подобных ханских ярлыках. Подлинники ярлыков, которые были написаны, по-видимому, уйгурским алфавитом, изначально сохранялись в канцелярии митрополита, и лишь в конце XIV – начале XV вв. толмачи осуществили перевод пяти иммунитетных и одной проезжей грамот на русский язык. Тексты переводов шести известных нам ярлыков были объединены в Кратком собрании ярлыков, являющемся уникальным источником сведений о русско-ордынских отношениях и положении церкви. Самым ранним является перевод ярлыка хана Менгу-Тимура (1266 – 1280), выданный, как считается в историографии, митрополиту Кириллу, первому русскому иерарху, вставшему во главе русской церкви вскоре после утверждения системы господства монгольских ханов. Отмеченный ярлык датируется: «заечьего лета осеннего первого месяца в четвертый ветха».¹ Определение современной даты проблематично, в монгольском календаре заечье лето в период владения хана Менгу-Тимура выпадает на 1267 г. или 1279 г. по европейскому летоисчислению.² Именно этот акт содержит важные сведения, имеющие отношение к предмету рассмотрения данной статьи.

Из летописных сообщений видно, что при проведении монголами в русских землях переписей населения в 1246, 1257, 1275 гг. представители духовенства, как белого, так и черного, не вносились в податные реестры (дефтери), что свидетельствовало об избавлении их от даней и повинностей.³ Заодно с ними льготы распространялись и на отдельные группы церковных людей, которые в церковной традиции именуются причтом. Кто же входил в состав причта, и на каких основаниях? Канонические правила, содержащиеся в уставе князя Владимира, определяли состав «церковных людей»⁴. Однако, по всей вероятности,

---

1 Памятники русского права (Далее ПРП). М., 1955. Вып.3. С.468.

2 О датировке данного ярлыка см.: Сочнев Ю.В. К изучению ярлыка Менгу-Тимура и оценке его влияния на русские великокняжеские акты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2. С. 65–73.

3 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474-475; Т. 15. Вып. 1. Стб. 32.

4 Шапов Я.Н. Указ соч. С. 33.

они не были для монгольских чиновников необходимым и достаточным основанием для выделения тарханного причта. Вместе с этим, социальная практика также привносила существенную специфику в применение установлений жалованных грамот ханов, создавая возможность уклонения от налогов путем причисления к этой привилегированной категории населения дополнительных лиц. Подобная ситуация на основе конфессионального своеобразия в регионах складывалась во многих покоренных монголами землях и представляла для монгольских властей большую дилемму, которую они пытались разрешить путем издания специальных административно-правовых указаний.

В одном из дошедших до наших дней ранних указов основателя монгольской империи, выданном весной 1223 г., предписывалось освободить приверженцев даосского богогласника Чан-чуня от налогов и повинностей. Интересно, что одновременно в акте содержалась санкция против тех: «кто будет, ложно называя себя монахом, под незаконным предлогом, отказываться от повинностей», на совершивших проступок повелевалось доносить властям, и наказывать виновных «по усмотрению»¹. На завоеванных монголами территориях Китая, по авторитетному свидетельству Сун Цзы-чжэня, являющегося очевидцем событий, в 1237 г., по инициативе высокопоставленного чиновника Елюй Чу-цая были проведены экзамены среди буддийских монахов, конфуцианцев и даосов для удаления из их числа фиктивных служителей культов, уваливавших от налогов и повинностей².

Статус религиозного деятеля в монгольской империи гарантировал существование более легкую жизнь, нежели у другого подчиненного населения, что и подталкивало к фальсификации статуса и устранению от налогов. В повествовании католического монаха-миссионера и посла Гийома Рубрука о своем странствии в 1254 г. в столицу монгольской империи г. Карокорум сообщается о встрече в ставке Мунке-каана с несторианским лжемонахом. Житель Армении, до пленения монголами, у себя на родине занимался ткачеством. Активно общаясь с новым знакомым в чуждом сообществе, Гийом Рубрук подробно описывает их взаимоотношения, отмечая при этом некомпетентность и несведущность лжемонаха в религиозных вопросах,

---

1 Палладий. Си ю цзи или описание путешествия на Запад // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т.4. СПб., 1866. С.375.

2 Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-Цая. Перевод и исследование. М., Наука, 1965. С.54.

но гораздо лучшие условия существования в сопоставлении с другими полоняниками¹.

Интересен доклад 1264 г. сановника по религиозным вопросам Великому каану Хубилаю, где отмечалось, что буддийские монахи, даосские, христианские и мусульманские служители культа в правление Чингиз-хана и Угедея обязывались платить поземельный и торговый налоги с момента перехода к занятию земледелием или торговлей, и избавлялись от других налогов. Но с правления каана Гуюка (1246–1248) и до года подачи доклада они не участвовали в выплате налогов. После чего Великий каан Хубилай повелел, чтобы по аналогии с установлением Чингиз-хана, даосы, христиане, мусульмане, конфуцианцы и буддийские монахи облагались земельным или торговым налогом². Обсуждаемая проблема отразилась также в ярлыке Муртулукскому монастырю, находившемся в Уйгурии, где говорится: «Живущие в городе и в народе пусть не причисляются к братству»³.

Архимандрит Палладий, изучавший вопрос на основе истории Юаньской династии (Юань-ши), еще в XIX в. писал, что в Китае монгольскими властями: «неоднократно издавались указы, обязывавшие духовных людей ко внесению обычных податей и пошлин, если они не занимались исключительно делом своего призвания. Духовным лицам предписано было непременно принимать посвящение, по их вере, а домочадцы их, не вступавшие в духовное звание, включены были в народную перепись»⁴.

При изучении налоговых правоотношений ордынского периода можно опереться на сведения о других странах, также находившихся под монгольским господством, потому как переписи покоренного населения были разработаны покорителями по китайскому эталону и на всех территориях монгольской империи осуществлялись по единому стандарту. Политика улусных правителей по конфессиональным вопросам являлась также довольно устоявшейся и основывалась на общеимперских принципах, выработанных в большей степени Чингиз-ханом.

---

1 Путешествия в Восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 152.

2 Мункуев Н.Ц. Указ.соч. С.54.

3 Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства. X–XIV вв. М.:Л., 1966. С.259.

4 Палладий. Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам // Восточный сборник. Т.1. СПб., 1877. С.32.

На Руси также должна была распространяться практика использования льгот православным священникам для уклонения от монгольских даней, поборов, и повинностей близкими к ним лицами. Такую ситуацию, объясняя сведения берестяных грамот № 215 и 218 и используя элементы ярлыка хана Менгу-Тимура, убедительно описывала А.Л. Хорошкевич.¹ В грамоте этого сарайского властителя тоже оставила след проблема распознавания лиц, близких к духовенству и поэтому одаренных налоговыми скидками: «Попове един хлеб ядуще и во едином дому живуще, у кого брат или сын, и тем по тому же пути пожалование (т.е. освобождение от налогов – Ю.С.), ажь будут от них не выступились. Будет же ли, от них выступились дань или ино что, – ино им дати».²

Чтобы уяснить суть дела, нужно понять цель рассматриваемого предписания. Данное правило направлено на более четкое разграничение юрисдикции и податного статуса приближенных к православному духовенству категорий населения. Члены семьи священников, живущие единым хозяйством, очевидно, подлежали церковной юрисдикции и относились к привилегированной категории, не платившей подати и не выполнявшей повинности. В случае, когда аналогичные родственники священников вели свое отдельное хозяйство, они подлежали светской юрисдикции, как и другие миряне, и должны были платить подати и выполнять повинности, установленные монгольскими властями.

Как видим, ряд исторических источников прямо свидетельствует, что налоговые правоотношения, установленные монгольскими завоевателями, имели особую составляющую, направленную на борьбу с уклонением от налогов. Именно они обусловили появление в ярлыке хана Менгу-Тимура особого прецедента, направленного на разграничение членов семьи священников.

Понять, что способствовало появлению такого подхода у золотоордынских администраторов на Руси, позволяет привлечение указов монгольских императоров, правивших в Китае. При этом необходимо учитывать, что до конца 60-х годов XIII в. Золотая Орда не имела полного суверенитета и являлась западной частью огромной монгольской

---

1 Хорошкевич А.Л. Монголы и Новгород в 50-е годы XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М.: Изд МГУ, 1989. С.70–72.

2 ПРП. Вып. 3. С.467.

империи. Интересные сведения, помогающие определить различные категории налогоплательщиков, можно обнаружить в указе императора Хубилая, изданном в период 11 апреля – 10 мая 1271 года. Этот универсал, опирающийся на нормы предыдущего указа императора Угэдэя, наглядно иллюстрирует основы и методы проведения переписи населения в 1235 – 1236 гг., а также налоговых реформ 1236 г. и 1271 г. на покоренных китайских территориях. Для предмета изучения данной статьи важно, что в ходе этих акций рабы, проживающие вместе с семьей своего господина, фиксировались в списках вместе с хозяином, признавались его собственностью и не входили в число податных государства. В случае же проживания отдельно от своего господина, они записывались особо и определялись как податные государства.¹

Здесь явно просматривается традиционный принцип, последовательно применяемый монгольскими властями для отделения различных категорий налогоплательщиков и определения их обязанностей, возможно, заимствованный из Китая.

Сравнение этих условий с данными ярлыка хана Менгу-Тимура, как представляется, удостоверяет подлинность перевода его тарханной грамоты, в том числе и пункта о разграничении поповской семьи. В совокупности это является признаком того, что монгольские чиновники в XIII в. в русских землях проводили переписи на тех же основах, как это осуществлялось в Китае. Возникшие в результате этого отношения, и направленные на их регулирование юридические нормы, возможно и не в полном объеме, а в какой-то части, реально существовали до XV века.

В этом плане перспективным является сопоставление текста ярлыка хана Менгу-Тимура с Уставной грамотой (1404 г.), подтверждающее первичность предписаний ханской тарханной грамоты. В Уставной грамоте под влиянием отношений, возникших как результат монгольского доминирования, был сформулирован последний пункт, в котором содержался запрет митрополиту посвящать в священнослужители даточных людей и слуг великого князя. Подтверждением этого вывода также выглядит имеющееся здесь же детализирование, весьма созвучное соответствующему месту в ярлыке хана Менгу-Тимура: «А который попович хотя будет писан в мою

1 Мункуев Н.Ц. Указ. соч. С.51–52.

службу, а въсхочет стати в попы или в диаконы, ино ему волно стати. А попович, которы и живет у отца, а хлеб есть отцов, ино тои митрополич. А которыи попович отделен и живет оприч отца, а хлеб ест свои, а тои, князя великого».¹ Установление монгольских властей XIII века, направленное на разграничение тарханных и налогообязанных категорий населения, явилось правовым прецедентом для Московских Великих князей, сохранившим свое действие в XIV–XV веках. Это удостоверяет переадресование в Уставной грамоте (1404 г.) к обычаям во время нахождения у власти митрополитов Феоноста и Алексия. Отмеченные традиции касались определения финансовых обязательств главы церкви, которые должны были исполняться в случае выплаты Великим князем дани в Золотую Орду. Монгольский прецедент, спрятавшись среди русских правовых норм, удержался до XVII в. Из вышеприведенной цитаты видно, что он зафиксирован в царской тарханной грамоте царя Василия Шуйского.²

Содержание правового предписания, сделанного золотоордынским верховным правителем для регулирования отношений на русской территории, которую он рассматривал как свою собственность, несмотря на обусловленное временем несколько различное синтаксическо-лингвистическое выражение, в целом совпадает в ярлыке хана Менгу-Тимура, в великокняжеско-митрополичьей уставной грамоте и тарханной грамоте Василия Шуйского. Способствовала сохранению рассматриваемого прецедента и развитию правовой преемственности, его направленность на регулирование отношений, связанных с имуществом русских митрополитов. Как уже отмечалось четкое разграничение тарханных категорий населения, находившихся под юрисдикцией митрополита, и налогообязанных, относящихся первоначально к юрисдикции монгольских, а позже великокняжеских и царских властей, обеспечивало баланс интересов церковных и светских властей.

Обстоятельством, подтверждающим отмеченную преемственность, является общность появления и задач всех актов, фиксирующих рассматриваемый правовой прецедент. Все вышеназванные документы направлены на регулирование отношений, связанных с имущественными интересами глав русской церкви. Эти интересы

1 ПРП. Вып. 3. С. 423.

2 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.II. № 69, С.86-88.

в средневековье обеспечивались преимущественно за счет доходов с митрополичьей области (епархии), принадлежавшей главе русской церкви как первому архиепископу. Реально в хозяйственном и имущественном отношении митрополит владел и управлял только этими территориями, и юридически не мог вмешиваться в дела подобного рода на территории других русских епархий. Поэтому льготы, предоставленные ему монгольской администрацией, формально-юридически и фактически распространялись только на его епархию. Важно отметить, что территории Суздальско-Нижегородского княжества до 40-х гг. XIV в. входили в состав митрополичьего округа, а затем составили особую епархию. Она окончательно была ликвидирована вскоре после падения независимости Великого Суздальско-Нижегородского княжества в 1392–93 г. Примечательно, что на Нижний Новгород и Нижегородское Поволжье после этого опять была распространена хозяйственная юрисдикция митрополита. Такое развитие исторических событий, как представляется, обеспечивало условия для сохранения на данной территории правовых обычаев и прецедентов, выгодных собственнику. Это наблюдение соответствует и источниковедческой ситуации в русской и российской истории. Большинство сохранившихся исторических источников средневекового периода дошли до нас благодаря стараниям и усилиям церковных структур, в особенности митрополичьей кафедры.

Выявленная преемственная связь и сохранение правового прецедента в «Царской тарханной грамоте царя Василия Ивановича Шуйского», выданной нижегородским Преображенскому и Архангельскому соборам 19 августа 1606 г. и «Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (1404 г.)», восходящие к ярлыку хана Менгу-Тимура, указывают на определенную зависимость в развитии налоговой системы Российского государства XV–XVI вв. и некоторых принципов ее функционирования от золотоордынского наследия. Сам же рассмотренный правовой прецедент является уникальным историческим фактом, практически подтверждающим наличие влияния монгольской правовой системы на развитие русского права, о чем только теоретически рассуждали исследователи в предыдущих работах.

Список литературы:

1. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.2. Период второй, московский. Первая пол.тома. М., 1904. Репринт. М., 1997. 919 с.
2. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. 274 с.
3. Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842. 134 с.
4. Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-Цая. Перевод и исследование. М., Наука, 1965. 224 с.
5. Палладий. Си ю цзи или описание путешествия на Запад// Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т.4. СПб., 1866. С. 261–436.
6. Палладий. Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам // Восточный сборник. Т.1. СПб., 1877. 448 с.
7. Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам)// Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 84–102.
8. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. 124 с.
9. Путешествия в Восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд. Географической литературы, 1957. 270 с.
10. Рязановский В. А. Монгольское право. Преимущественно обычное. Исторический очерк. Харбин, 1931. 306 с. с приложениями.
11. Сочнев Ю.В. К изучению ярлыка Менгу-Тимура и оценке его влияния на русские великокняжеские акты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2. С. 65–73.
12. Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства. X–XIV вв. М.:Л., 1966. 291 с.
13. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XV вв. Казань, 1979. 318 с.
14. Хорошкевич А.Л. Монголы и Новгород в 50-е годы XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М.: Изд МГУ, 1989. С. 69–73.
15. Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы. М.: Наука, 1976. 240 с.